

глава II. русские протестанты в 1918–1929 годах

В период 1918–1929 гг. русские религиозные меньшинства, в частности русские протестанты, пользовались относительно привилегированным положением по сравнению, например, с Русской Православной Церковью. Еще в 1903 г. на II съезде РСДРП его участники приняли резолюцию «О работе среди сектантов».¹ Хотя она не имела серьезных практических последствий, советское правительство и в первые годы своего существования пыталось заигрывать с сектантами, считая их своими, по крайней мере временными, попутчиками (публичные обвинения сектантов в контрреволюционности и массовом пособничестве белогвардейцам относятся уже к концу 1920-х–1930-м гг.). Этому способствовали как объективные обстоятельства (отсутствие у русских религиозных меньшинств богатой собственности, духовного сословия и т. д.), так и лояльная позиция значительной части сектантского руководства.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 1. С. 70.

Советская религиозная политика в 1917–1922 годах

Сразу после прихода к власти большевики стали проводить двойственную политику в отношении религии. Часть советских декретов соответствовала модели светского европейского государства. «Декларация прав народов России» от 2(15) ноября 1917 г. объявляла об отмене «всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений».² Декреты ВЦИК и СНК «О расторжении брака» от 16(29) декабря 1917 г.³ и «О гражданском браке, о детях и о ведении книг гражданского состояния» от 18(31) декабря 1917 г. узаконивали институт гражданского брака.⁴ Позднее это было подтверждено в Кодексе законов ВЦИК об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16 сентября 1918 г.⁵ Первая советская Конституция, принятая 10 июля 1918 г. на V Всероссийском съезде советов, «в целях обеспечения трудящимся действительной свободы совести» признавала «за всеми гражданами» свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды (ст. 13). Иностранцы, подвергавшиеся преследованиям за «религиозные преступления», могли получить убежище в РСФСР (ст. 21).⁶ Ранее это право утверждалось Декретом ВЦИК о праве убежища от 28 марта 1918 г.⁷

Однако фактически большевики считали религию и коммунизм понятиями несовместимыми и с первых дней своего правления взяли курс на подрыв правового и имущественного положения религиозных организаций, прежде всего ранее первенствующей Православной Церкви. При этом законы создавались по «классовому принципу» (законодательно закрепленная дискриминация «чуждых классов»). Согласно Конституции 1918 г.,

² Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 40.

³ Там же. С. 237–239.

⁴ Там же. С. 247–249.

⁵ Там же. 1964. Т. 3. С. 314–343.

⁶ Там же. 1959. Т. 2. С. 553–554.

⁷ Там же. С. 30–31.

«монахи и духовные служители церквей и культов» были лишены избирательных прав (ст. 65).⁸ Декрет «О земле», принятый на втором заседании Второго съезда советов рабочих и солдатских депутатов по докладу В.И. Ленина в ночь на 27 октября (9 ноября) 1917 г., отменял право собственности на монастырские и церковные земли.⁹ Документ не был субъективным актом большевиков. Требование безвозмездного отчуждения всей земельной собственности, включая монастырскую и церковную, и обращения ее «во всенародное достояние» входило в первый пункт крестьянского наказа, составленного на основании 242 местных крестьянских наказов с участием эсеров.¹⁰ Основной закон о социализации земли от 27 января (9 февраля) 1918 г. подтвердил отмену всякой собственности на землю, оговорив, что право пользования землей не может быть ограничено вероисповеданием (ст. 4).¹¹ Согласно постановлению Комиссариата по народному просвещению от 11(24) декабря 1917 г., все духовные образовательные учреждения (большинство которых принадлежало РПЦ) вместе с имуществом передавались из духовного ведомства в ведение Комиссариата.¹²

Декрет Совета Народных Комиссаров «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (который имел и другое название — «Об отделении церкви от государства и школы от церкви») от 20 января (2 февраля) 1918 г. определил будущую религиозную политику нового правительства России. Документ содержал ряд общедемократических установок, подрывающих позиции ранее привилегированной Русской Православной Церкви, но не мешающих или даже способствующих развитию русских религиозных меньшинств. Граждане России получали право на религиозную свободу и беспрепятственный переход из одной веры в другую, право вести религиозную пропаганду; отменялись вероисповедные привилегии и дискриминация; регистрация актов гражданского состояния переходила в ведение светской власти; отменялись государственные субсидии религиозным организациям.¹³ Принцип отделения церкви от государства и школы от церкви был подтвержден и в первой советской Конституции (ст. 13).¹⁴

Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» ущемлял интересы Русской Православной Церкви. Ранее Поместный Собор РПЦ вынес Определение от 2 декабря 1917 г. «О правовом положе-

⁸ Декреты Советской власти. 1959. Т. 2. С. 561.

⁹ Там же. 1957. Т. 1. С. 17.

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 24–27.

¹¹ Декреты Советской власти. 1957. Т. 1. С. 407.

¹² Там же. С. 210–211.

¹³ Там же. С. 373–374.

¹⁴ Там же. С. 560.

нии Российской Православной Церкви». В документе устанавливались привилегии РПЦ по сравнению с другими вероисповеданиями (первенствующее публично-правовое положение, сохранение ряда важных государственных постов только за православными, освобождение от повинностей служащих и монашествующих и т. д.).¹⁵ Неудивительно, что Декрет, полностью противоречивший соборному Определению, вызвал отрицательную реакцию первоиерарха РПЦ патриарха Тихона (Белавина) и значительной части православной общественности. Впрочем, не все православные считали необходимым любой ценой удерживать первенствующее положение РПЦ; одни поддерживали принципы всеобщего равноправия, утвержденные Временным правительством; другие полагали, что освобождение от опеки государства станет началом духовного обновления церкви (правда, сторонники последней идеи, т. н. обновленцы, вскоре оказались не просто под опекой, а послушными исполнителями воли советского государства в борьбе с «тихоновской» церковью). Что же касается лидеров русского протестантизма, то положения Декрета, относящиеся к отделению церкви от государства и равноправию всех вероисповеданий, вполне соответствовали их политической программе.

Пункт 6 Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» мог быть направлен против христиан-«антимилитаристов» (пацифистов): «Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей». Однако далее следовало дополнение: «Изыятия из этого положения, под условием замены одной гражданской обязанности другою, в каждом отдельном случае допускаются по решению народного суда».¹⁶ Это давало возможность протестантам-пацифистам в случае их призыва в Красную Армию получить льготы еще до появления Декрета «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» от 4 января 1919 г. Например, в октябре 1918 г. верующий Иван Алексеевич Мешков отправил заявление в Отдел всеобщего обучения при Мценском совете с отказом брать в руки оружие. По запросу местных властей Орловский губернский комиссариат по военным делам ответил: «Ввиду того, что в Орловский губернский окружной комиссариат по военным делам неоднократно поступают просьбы об освобождении от оружия по религиозным убеждениям, Окровоенком № 01060 сообщил Губвоенкому, что все лица, принадлежащие к общинам евангельских христиан, освобождаются от оружия и зачислять таковых в тыловое ополчение».¹⁷ Такая льгота, тем более в условиях гражданской

¹⁵ История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. 1917–1970. СПб., 1997. С. 119.

¹⁶ Декреты Советской власти. 1957. Т. 1. С. 374.

¹⁷ Утренняя звезда. 1919. № 1.

войны, была беспрецедентной для России. Но далеко не все русские протестанты разделяли идеи пацифизма и отказывались служить в Красной Армии с оружием в руках. Например, ветеран ленинградской общины евангельских христиан—баптистов Пичугин вспоминал, что познакомился с евангельским учением в 1919 г. благодаря общению с верующими красногвардейцами.¹⁸

Однако наряду с провозглашением общедемократических принципов Декрет лишал права владения собственностью и прав юридического лица все без исключения церковные и религиозные организации (хотя законы о регистрации и деятельности религиозных общин подразумевали предоставление некоторых ограниченных прав). С этого времени храмы и другие здания, ранее принадлежавшие религиозным обществам, стали считаться собственностью государства. Они передавались верующим в долгосрочное пользование на правах бесплатной аренды, но могли быть в любой момент отобраны.

Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» отчасти воплощал идею светского государства, однако важнейшие пункты документа противоречили ей. Принцип отделения церкви от государства предполагает предоставление религиозным организациям идеологической и экономической самостоятельности, которая не позволяет властям оказывать давление на внутреннюю жизнь религиозных организаций и общин административными предписаниями государственных органов, покровительствовать определенным религиям и подвергать дискриминации другие. Узаконенное лишение религиозных организаций прав юридического лица и права собственности позволяло властям беспрепятственно вмешиваться в дела религиозных организаций и общин, диктуя им свою волю. Кроме того, в СССР фактически отсутствовало равноправие вероисповеданий, поскольку атеизм стал подобием государственной религии, наделенной множеством привилегий, тогда как остальные вероисповедания подвергались преследованиям и дискриминации. По сути, Советский Союз никогда не был светским государством, хотя и декларировал это в своих правовых документах.

Проведение в жизнь Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» было поручено Межведомственной комиссии при Народном Комиссариате Юстиции (НКЮ). Но уже 8 мая 1918 г. Совет Народных Комиссаров распустил Комиссию и учредил для исполнения ее функций VIII отдел НКЮ, получивший название «ликвидационный». Постановление НКЮ «О порядке проведения в жизнь декрета “Об отделе-

¹⁸ Докладная записка ленинградского уполномоченного Н.М. Васильева от 27 июня 1958 г. (Некоторые данные о формах и методах религиозной пропаганды) // ЦГА СПб. Ф. 9620, оп. 1, д. 42, л. 29.

нии церкви от государства и школы от церкви» от 24 августа 1918 г. было принято для обеспечения единообразия действий центральных и местных органов при проведении религиозной политики. В целях разъяснения религиозной политики советского государства НКЮ издавал в 1919–1924 гг. журнал «Церковь и революция». В 1922 г. VIII отдел НКЮ стал V отделом. В августе 1924 г. правительство вообще упразднило его.¹⁹

На первых порах большевики были вынуждены считаться с религиозными настроениями народа и в вопросе закрытия храмов действовали осторожно. Весной 1920 г., видимо в рамках подготовки широкомасштабной акции, Народный Комиссариат Юстиции направил в провинцию запросы о настроениях верующих на местах и о том, возможно ли в данный момент провести массовые реквизиции церковных зданий под «культурные нужды». В частности, подобный запрос был отправлен 3 марта 1920 г. в Новгородский губисполком.²⁰ После опроса мнений уездных советов руководители Новгородского губисполкома отнеслись к этой акции отрицательно и выразили опасение, что подобные действия могут восстановить население против советской власти: «Отношение народа к вере пока не отличается от дореволюционного времени. В народе еще крепко убеждение, что без религии русскому человеку обойтись нельзя. Храм и церковь, по сложившемуся мнению, является посвященным исключительно божеству и не может иметь другого назначения, кроме совершения в нем служения».²¹ По-видимому, в других местностях реакция была аналогичной, так как попытка массового изъятия церковной собственности была предпринята лишь 2 года спустя под благовидным предлогом помощи голодающим Поволжья.

В отличие от Православной Церкви русские протестанты не обладали большими материальными богатствами, которые могли бы привлечь особое внимание большевиков. Их служения не требовали ни специального убранства помещений, ни богослужебной утвари (кроме Библии). Нередко община не имела даже собственного молитвенного здания, арендуя помещение у местных властей, организаций или частных лиц, либо ее члены собирались по домам друг у друга (например, в Петрограде собственный молитвенный дом, построенный в 1910 г., имелся только у общины баптистов). Поэтому лишение прав собственности и прав юридического лица отразилось на развитии протестантских организаций менее болезненно, чем на положении Православной Церкви.

¹⁹ Кунцын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России. М., 2000. С. 58–60.

²⁰ ГАНО. Ф. Р-268, оп. 1, д. 119, л. 1.

²¹ Письмо зав. отделом юстиции Новгубисполкома в НКЮ от 20 марта 1920 г. // Там же. Л. 20.

В октябре 1918 г. в Москве был образован Объединенный совет религиозных общин и групп под председательством известного толстовца В.Г. Черткова — сына активной деятельницы евангельского движения в Петербурге Е.И. Чертковой. Совет обратился в СНК с просьбой освободить христиан-пацифистов от воинской службы. Большевики не согласились полностью выполнить это пожелание, однако ввели закон об альтернативной службе для верующих пацифистов. 4 января 1919 г. появился декрет «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям».²² Согласно этому документу, религиозный пацифист по решению народного суда получал право заменить военную службу «...санитарной службой, преимущественно в заразных госпиталях или иной соответствующей общепользуемой работой, по выбору самого призываемого» (п. 1). При решении вопроса народный суд обращался за экспертизой в Объединенный совет религиозных общин и групп, который должен был подтвердить, что это вероисповедание «исключает участие в военной службе», а также искренность и добросовестность данного лица (п. 2). В определенных случаях Объединенный совет мог ходатайствовать о полном освобождении верующего пацифиста от какой-либо службы (п. 3,²³ вписанный лично В.И. Лениным²⁴). Свою принадлежность к определенному вероисповеданию пацифист доказывал предъявляемым удостоверением члена религиозной общины (мennonитов, адвентистов седьмого дня, евангелистов и др.)²⁵

Однако реализация Декрета проходила не гладко. С одной стороны, на местах многочисленные советские инстанции зачастую не знали о существовании документа или не признавали его легитимность, подвергая «дезертиров» различным наказаниям — вплоть до расстрела. С другой стороны, Декрет стал лазейкой для множества желающих уклониться от службы в Красной Армии. В сектантские организации хлынул поток молодежи призывного возраста. Нередко религиозными антимилитаристами объявляли себя крестьяне целых деревень, участники Первой мировой войны и даже офицеры, ранее награжденные георгиевскими крестами за личное мужество.²⁶ Отношения между советским правительством и Объединенным советом религиозных общин и групп становились все более напряженными, и в конце концов Совет был отстранен от экспертизы за «факты злоупотребления».²⁷

²² Декреты Советской власти. 1968. Т. 4. С. 282–283.

²³ Там же.

²⁴ Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г. Сектантский антимилитаризм и проблемы строительства российских вооруженных сил (1918–1939 гг.) // Власть, общество и реформы в России (XVI—начало XX в.). СПб., 2004. С. 436.

²⁵ Марьянов Б. От войны к мирному строительству // Наука и религия. 1981. № 4. С. 5.

²⁶ Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г. Сектантский антимилитаризм... С. 419–420.

²⁷ Марьянов Б. От войны к мирному строительству. С. 5.

Особое внимание большевики уделяли реализации принципа отделения школы от церкви (так, как они его понимали). Уже в феврале 1918 г. Народный Комиссариат Просвещения принял постановление об упразднении должности законоучителя в школе. Тогда же появилось постановление Государственной комиссии по просвещению «О светской школе».²⁸ 30 сентября 1918 г. вышло Положение ВЦИК о единой трудовой школе, согласно которому не допускалось «...преподавание в стенах школы какого бы то ни было вероучения и исполнение в школе обрядов культа» (ст. 6).²⁹ Согласно Декрету «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», за гражданами оставлялось право обучать детей религии частным образом. Хотя Декрет ВЦИК РСФСР от 13 июня 1921 г. запрещал «преподавание вероучения лицам, не достигшим 18-летнего возраста», в порядке исключения преподавание религии разрешалось дома (в семейном кругу) родителями или по их поручению другими лицами при условии, что в группе будет не более трех детей.³⁰ В мае 1922 г. это решение подтвердил V отдел Наркомата Юстиции РСФСР.³¹

Законы о религиозных организациях первых лет советской власти, несмотря на свою непоследовательность, были наиболее благоприятными для развития русских религиозных меньшинств. Большевики стремились в первую очередь ослабить и сокрушить Российскую Православную Церковь, которая номинально объединяла большинство русского населения страны и еще недавно считалась идеологической опорой самодержавия. Протестанты, находившиеся до 1917 г. на положении гонимого меньшинства, могли в какой-то мере выступать в глазах большевиков союзниками, в том числе и в борьбе с Православной Церковью (хотя в этой области более ярко проявили себя православные «обновленцы»). Религиозные меньшинства давали советской власти наилучшую возможность демонстрировать свою веротерпимость. Конечно, это не значит, что позитивные установления декретов всегда и везде исполнялись, что не было случаев беззаконий (например, при насильственных мобилизациях). Кроме того, вскоре государственные органы предприняли попытки негласного давления на религиозные организации и их лидеров. Но все же на какое-то время русские религиозные меньшинства, и в частности русские протестанты, оказались в более выгодном положении, чем РПЦ. Этим они и не преминули воспользоваться для своей деятельности.

²⁸ Куроедов В.А. Религия и церковь в советском государстве. М., 1981. С. 52.

²⁹ Декреты Советской власти. 1964. Т. 3. С. 374–382.

³⁰ Савинский С.Н. История русско-украинского баптизма. Одесса, 1995. С. 89.

³¹ Воронин Л.Е. Адвентизм и реформизм. Ставрополь, 1983. С. 97.